

Барыня — эпизод 2 из 8

Семен был похож лицом на отца, он не был только сед, лыс и не имел таких хитрых, цыганских глаз, какими обладал его отец. Рядом с Семеном сидел второй сын Максима, Степан. Степан не ел, а, подперевши кулаком свою красивую белокурую голову, смотрел на закопченный потолок и о чем-то усердно мыслил. Ужин подавала жена Степана, Марья. Щи съели молча. Принимай! сказал Максим, когда были съедены щи. Марья взяла со стола пустую чашку, но не донесла ее благополучно до печи, хотя и была печь близко. Она зашаталась и упала на скамью. Чашка выпала из ее рук и сползла с колен на пол. Послышались всхлипывания.

Никак кто плачет? спросил Максим.

Марья зарыдала громче. Прошло минуты две. Старуха поднялась и сама подала на стол кашу. Степан крякнул и встал.

Замолчи! пробормотал он.

Марья продолжала плакать.

Замолчи, тебе говорят! крикнул Степан.

Смерть не люблю бабьего крику! смело забормотал Семен, почесывая свой жесткий затылок. Ревет и сама не знает, чего ревет! Сказано баба! Ревела бы себе на дворе, коли угодно!

Бабья слеза капля воды! сказал Максим. Благо слез не покупать, даром дадены. Ну, чего реветь? Эка! Перестань! Не возьмут у тебя твоего Степку! Избаловалась! Нежная! Поди кашу трескай!

Степан нагнулся к Марье и слегка ударил ее по локтю.

Ну чего? Замолчи! Тебе говорят! Э-э-э... сволочь!

Степан размахнулся и ударил кулаком по скамье, на которой лежала Марья. По его щеке поползла крупная сверкающая слеза. Он смахнул с лица слезу, сел за стол и принялся за кашу. Марья поднялась и, всхлипывая, села за печью, подальше от людей. Съели кашу.

Марья, кваску! Знай свое дело, молодуха! стыдно сопلي распускать! крикнул старик. Не маленькая!

Марья с бледным, заплаканным лицом вышла и, ни на кого не глядя, подала старику ковш. Ковш заходил по рукам. Семен взял в руки ковш, перекрестился, хлебнул и поперхнулся.

Чего смеешься?

Ничего... Это я так. Смешное вспомнил.

Семен закинул назад голову, раскрыл свой большой рот и захихикал.

Барыня приезжала? спросил он, глядя искоса на Степана. А? Что она

говорила? а? Ха-ха!

Степан взглянул на Семена и густо покраснел.

Пятнадцать целковых дает, сказал старик.

Ишь ты! И сто даст, лишь бы только захотел! Побей бог, даст!

Семен мигнул глазом и потянулся.

Эх, кабы мне такую бабу! продолжал он. Высосал бы чертовку! Сок выжал!

Ввв...

Семен съежился, ударил по плечу Степана и захохотал.

Так-то, душа! Больно ты комфузлив! Нашему брату конфузиться не рука!

Дурак ты, Степка! Ух, какой дурак!

Вестимо дурак! сказал отец.

Послышались опять всхлипывания.

Опять твоя баба ревет! Знать, ревнива, щекотки боится! Не люблю бабьего визгу. Как ножом режет! Эх, бабы, бабы! И на какой предмет вас бог создал? Для какой такой стати? Мерси за ужин, господа почтенные! Теперь бы винца выпить, чтоб прекрасные сны снились! У барыни твоей, должно полагать, вина того тьма-тьмущая! Пей не хочу!

Скот ты бесчувственный, Сенька!

Сказавши это, Степан вздохнул, взял в охапку полсть и вышел из избы на двор.

За ним следом отправился и Семен.

На дворе тихо, безмятежно наступала летняя русская ночь. Из-за далеких курганов всходила луна. Ей навстречу плыли растрепанные облачки с серебрившимися краями. Небосклон побледнел, и во всю ширь его разлилась бледная, приятная зелень. Звезды слабей замелькали и, как бы испугавшись луны, втянули в себя свои маленькие лучи. С реки во все стороны потянуло ночной, щеки ласкающей влагой. В избе отца Григория на всю деревню продребезжали часы девять. Жид-кабатчик с шумом запер окна и над дверью вывесил засаленный фонарик. На улице и во дворах ни души, ни звука...

Степан разостлал на траве полсти, перекрестился и лег, подложив под голову локоть. Семен крикнул и сел у его ног.

М-да... проговорил он.

Помолчав немного, Семен сел поудобней, закурил маленькую трубочку и заговорил:

Был сегодня у Трофима... Пиво пил. Три бутылки выпил. Хочешь покурить, Степа?

Не желаю.

Табак хороший. Чаю бы теперь выпить! Ты у барыни пивал чай? Хороший? Должно, очень хороший? Рублей пять за фунт стоит, должно быть. А есть такой чай, что за фунт сто рублей стоит. Ей-богу, есть. Хоть не пил, а знаю. Когда в городе в приказчиках служил, я видал... Одна барыня пила. Один

запах чего стоит! Нюхал. Пойдем к барыне завтра?

Отстань!

Чего ж ты сердишься? Я не ругаюсь, говорю только. Сердиться не след.